

Личность в контексте культуры

Василий Федоров-Иваницкий

МИТРОХИНСКИЕ «ЧЕЛОВЕЧКИ» И ФИГУРКИ*

Искусствоведы «человечков» игнорировали

Хорошо известно, что искусство крупного артиста есть стихия, у которой трудно очертить рубеж, с бегом времени ее границы расширяются. Кажется, ну, что нам не известно о художнике, давно умершем, много изучавшемся, описанном и переписанном. Но... в один прекрасный день вдруг поворачивается выключатель, зажигается какой-то свет и довольно ярко освещает то, что было «в темноте». Так из «темноты» вдруг всплыли «человечки» мэтра. Нет, это не значит, что мы их не видели, не знали – видели, конечно. Только почему все оставались равнодушны и никого они не задевали? Иногда случались, правда, хоть упоминания. Есть одно такое во вступительной статье К. Тихоновой в каталоге выставки рисунков Мастера в 1927 году [1].

А ведь «человечков» в его творчестве несметно много. Но количество – причина не единственная для вниманья. Есть причина более глубокая, большая: ведь они – не просто люди, видимые издалече, и изображенья мелкого масштаба, «человечки» – это свой особый мир и существа нетривиальные – некий фантастический народ, на людей обычных не вполне похожий, чем-то сродственный «венерианцам», лилипутам, нас притягивающий и занятный.

Могут возразить: не так-то уж Мастер и влюблен был в этих «человечков», не так он ими специально занимался – он же сам однажды объяснил, что «суеятся» эти крошки на его рисунках потому, что у него нет настоящей и большой натуры. И к тому же рисовать

* Глава из рукописи книги «Митрохин. Искусство. Личность. Заметки друга». Дмитрий Исидорович Митрохин (1883–1973) – выдающийся российский график.

Рождение жанра

их побуждает их масштаб в формате крохотном его работ. Относительно масштаба согласимся, но отсутствие природы – здесь не основное. И во времена благополучия с натурой рисовать свои фигурки мэтр продолжал, включая их в пейзажи, интерьеры. График рисовал «человечков» и нежданно обнаруживал их свойства, более сознательно их применял, в сущности он создавал *особый жанр*, пишущими не увиденный, не оцененный.

Архангельск. Набережная.
1927. Тушь, перо, акварель.
Справа внизу: ДМ. 1927

У «человечков»
есть и собственная
«философия»

«Человечков» наш художник начал рисовать довольно рано, точных данных нет, но, предположительно, еще в Париже, а затем продолжил и в Москве. Видимо, в какой-то из моментов своей жизни умный юноша сообразил, что помимо хомосапиенсов-личностей существует еще много «человечков» – тех, кого мы видим вдалеке.

Но у «человечков» есть и собственная «философия», на словах художником не явленная, но в его работах существующая. Любит ли он этих персонажей? Несомненно да, но все-таки не тех, которых видит в окружении, а вот тех, которых он воссоздает. Наблюдая и рисуя «человечков», наш художник отбирает характерное и лучшее, зато случайное и худшее «не замечает» (игнорирует), а еще и прибавляет что-то от себя. Создаваемое им есть идеал, творчество – создание красоты. Сотворенью «человечков» помогает их размер, их удаленье. В жизни же не «человечки» – люди – могут быть совсем не хороши. А вот видимые с расстоянья эти существа пороков лишены, и легко поверить, что они всегда умны, приветливы, приятны и милы. Вот такими их изображает мэтр. Здесь в общении с ними – только радость, ну, а следовательно, и любовь.

А теперь посмотрим небольшой рисунок 1913-го – часть заставки книжки Густафсона «Баржа» (без заглавья и узора) – пейзаж, похожий на японский, с пароходиком и баржей. Берег около воды. Пляж песчаный, сказочно красивые деревья (часть ветвей оголе-

на), пара домиков, дорога вниз со вкопанными бревнами с боков. А на воде – почти игрушка-пароходик тянет баржу, груженую булыжником. На корме тот самый «человечек»-крошка – черный силуэтик кормчего, который помогает правильному курсу судна.

Пустырь.

1928. Автолитография. 19,0 x 18,5 см.
(Сюита «Шесть литографий, раскрашенных автором»). Справа внизу: ДМ 1928 III

Ясно, что у Мастера, тако-го как Д.И. Митрохин, «человечки» не могли быть однородны. Мы же знаем: даже буквы у него не повторялись – отличались формой, сайзом и в деталях, в мелочах. А ведь здесь не буквы – хомо сапиенсы (хоть и очень мелкие). В то же время «человечки» – это не людишки с их подробными характеристиками. Но вот индивидуальности они не лишены: каждому присущ свой пол и возраст, может быть типаж в традиционном отношении (а может и не быть), но у каждого свой рост, свои одежды, позы и движенья, и свои походка и комплекция, а нередко и свое преобразование фигур.

Часто мэтр шел на обобщенье и на упрощение фигур, иногда он их заметно огрублял. И, конечно, никогда бы «человечки» не были живыми, если бы их мэтр не делал схематично (схематично-выразительными, надо понимать).

«Человечки» на рисунке «Архангельск. Набережная», 1927-й, – не совсем «из головы». Видимо, художник изучал их на натуре, а потом нарисовал их здесь. В этом замечательном листе они условны и упрощены – почти игрушки, как игрушечны и кони, и телеги. Но при всей условности и смелости рисунка удивительна его наглядность и повествовательность – это документ своей эпохи, документ тогдашнего Архангельска (думается, фото здесь не нужно). А ведь до чего же дерзостное рисованье – кое-где гусарская размашистость – зеркало воды и корабли, электрические провода и совсем уже лихие облака. Но зато и сдержанность, и тонкость в изображении людей и лошадей, телег и травки на земле...

Очень много «человечков» мэтр помещал в своих пейзажах Ленинграда. Там они являлись очень ценным дополнением. Упиваясь захолустными ландшаф-

В «человечках» отразилось время

тами вдоль речки Карповки, Мастер неизменно наполнял их крохотными образами горожан.

«Человечки» могут разыграть любую сцену

Литография «Пустырь» 1928 года представляет пустырек перед домами и забором. Этот вид мы видели в его работах много раз. Только здесь особенная живописность зелени и дерева-гиганта. Мощные стволы художник превратил почти что в баобабы. Ну, а крона «баобаба» – «высший пилотаж» литографической фактуры. По контрасту с этими гигантами собравшиеся дети – просто «мелюзга». Рядом там проходит пара женщин. Несмотря на малый свой размер, фигурки составляют занимательную сценку – микрожанр, включенный в изумительный пейзаж. «Человечки»-крошки здесь отнюдь не лишни, несмотря на супермелкий «сайз», их рассматривать нам интересно – виден их и пол, и возраст, социальный и моральный «страт». В целом литография – роскошная картина – красота, отысканная на задворках простоты.

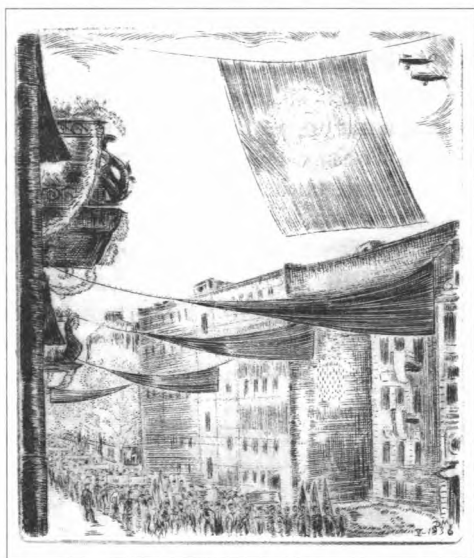

Васильевский остров.
1937. Резец. 16,9 x 10,7 см.
Справа внизу: ДМ 1937, слева
внизу: Ленинград грав. резцом.

А вот «человечков» на *бюрэне «Васильевский остров»*, 1937-й, не просто сосчитать – так их там много. Сам Васильевский весьма типичен, питерцы, по-видимому, узнают его легко. Тесное и хаотичное нагромождение домов, понастроенных в эпоху бурного развития капитализма. Дерево, я думаю, до нас не дожило, а уже оно одно – произведение искусства (у художника, конечно). Это было время увлечения Д.И. Митрохина штрихом, но при этом он умел и девственную белизну бумаги сохранить. Здесь она сияет снегом на газоне, кое-где на небе, на домах. «Человечки» здесь такие разные, друг на друга не похожие. Как это отлично от стандартно-примитивной массы «человечков», столь обычной у других.

Но не меньше «человечков» мы увидели и на *«Проспекте Добролюбова»* (бюрэн, 1937-й). Там они – совсем «букашки» под большим пространством неба.

Еще больше «человечков» в «соцреалистических» работах мэтра, например, в изображенных демонстрациях. Такова его *гравюра «Первомайский праздник»* (бюрэн, 1938-й). Мэтр скорее всего смотрел на эту сцену из какого-то окна (с этажа второго или третьего). Первый план вдоль левого края гравюры – водосточная труба, за ней – фигурные решетки двух балконов, увитые гирляндами из хвои. На правой сто-

Первомайский праздник.
1938. Резец, подкраска. 12,9 x 11,1 см.
Справа внизу: ДМ V - 1938

Каждый
«человечек»
привлекает

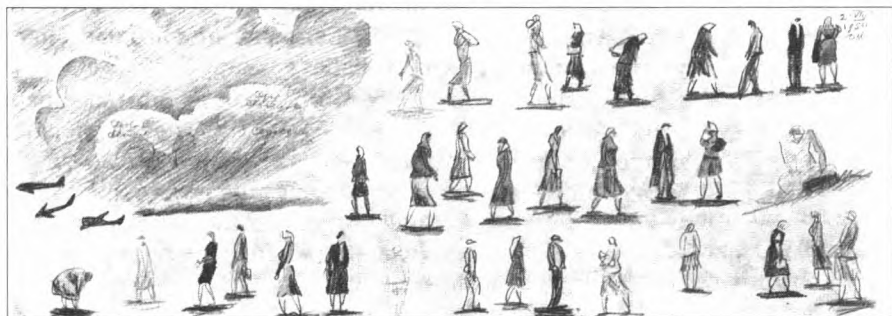
роне – пятиэтажные дома. А улицу и небо пересекают растяжки-флаги. В оттиске подкрашенном они и есть важнейший элемент парадности и торжества. Далеко внизу видна колонна демонстрантов, состоящая из очень маленьких фигур. Для просмотра здесь нужна большая лупа. А рассматривать таких забавных человечков необыкновенно интересно. Та же лупа помогает рассмотреть тончайше нарисованный, почти неразличимый герб и надпись на свисающем над улицей полотнище. Здесь колонна человечков будто дополняет оформление праздничного града.

Только что мы видели, как мэтр населял свои пейзажи «мелюзгой». В довоенной графике его, однако, нет листов, напол-

ненных одною ею, появляются эти листы после войны. Этому способствовало обстоятельство из не особенно приятных, но художник смог извлечь полезное и из него. Вечная потребность Мастера в натуре разрешения не находила. Очень редкие позирования знакомых, близких в счет не шли. Да, нормальной и позирующей (а тем более и обнаженной) у него натуры нет. Но остается, например, возможность посмотреть в окно и видеть пешеходов (на Беговой художник жил на первом этаже). Так почему бы их не рисовать? Да, конечно, Мастер видит их минуту-две и на ходу. Даже для наброска (но наброска ординарного) такое время – не ахти. Ну, а если рисовать фигурки «человечков»? Так явились неожиданные для окружающих листы этих живых и очень маленьких существ. Как бы ни казались шествующие друг за другом «человечки» поначалу «странными», а сама затея шуткой Мастера, при внимательном их созерцании фигурки зрителя притягивали, привлекали. Оказалось, можно обойтись без антуража: город, улица угадываются, незримо существуют. Но, конечно, параллельно Мастер рисовал фигурки и в пейзажах города (все той же Беговой), только там они гораздо мельче, а иногда становятся почти что символами.

«Человечкам» посвящаются «Наброски» 1950-го. Все они искусно сделанные, очень привлекательные персонажи. Это в жизни мы их наблюдаем «прагмати-

чески» и скопом, благо, что они проходят тысячами. Только все иначе происходит у артиста – он воспринимает их «поштучно» и вступает с ними в отношения художественные – пересоздает их в образы. И, конеч-

Наброски.

1950. Карандаши и акварель.

Справа внизу: 2. VIII 1950 Д М

но, это в чистом виде волшебство, если видимые нами тысячами пешеходы, нам неинтересные и даже надоевшие, превращенные маэстро в «человечков», вдруг становятся навероятно интересными и привлекательными, дорогами.

Правда, наш художник нарушает догмы и понятия о «правильности» – очень уж «неправильные» у него фигуры, но зато какие «самостийные» – нет хотя бы двух похожих, одинаковых, а ведь здесь их больше тридцати. Нас они как будто завораживают: не изображают прохожденье, а *идут*, не разыгрывают жизнь на сцене, а *живут*. И вот это проявление жизни в форме самого простого прохождения для мэтра (а вслед за ним и нам) представляется деяньем полным смысла радостного и большого. О, не всяким мастерам такое удастся даже и в аршинных композициях. И мне кажется, что в этой крохотной миниатюре мэтр запечатлел и увековечил навсегда кусочек жизни той поры.

Фигурки пешеходов.

Лист из блокнота.

1957. Карандаши и акварель.

Справа сверху: июнь – июль 1957

Этот же воистину бесценный клоч бумаги слева мэтр употребил и для этюда облаков. Если некоторые из фигурок он раскрасил, то для обозначенья цвета облаков он использовал слова: «синее» и «серое светлое», «серое тем.» и

«серосинее». Под облаками (нет, не летят, а просто нарисованы) смешные самолетики, такие примитивные и непохожие на настоящие и потому – живые!

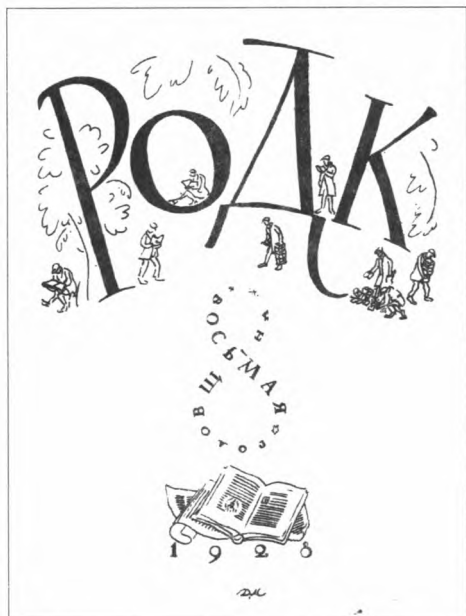
Лист из блокнота 1957 года с фигурками автор этих строк сфотографировал в 1960-х примитивным аппаратом, так что цвета в снимке не увидим. Но зато увидим, как и для чего работал мэтр.

Живые образы

В основном по Беговой проходят дамы. Возраст этих дам от, может быть, 60-ти (дама третья слева, ряд второй, ряд с машиной не считаем) и до 20-ти. Пол мужской вниманьем обделен – представительство его

невелико. Но ни первые и ни вторые – не «элита» – граждане обычные, без амбиций, есть и гордые «амбициозы» – например, две крайних дамы справа – первый и второй ряды. Та, что ниже, очень гордо «задирает нос». Но ведь на рисунке нет ни носа, ни лица, есть лишь пятнышко волос! Просто остальное дорисовывает глаз. Та, что выше, – дылда с крохотной головой (голова опять же – лишь парик) вышагивает, гордо выгнув стан. (Кстати, скажем: с помощью волос, фуражек, шляпок, шляп, платков художник здесь рисует большую часть всех голов). Нижняя часть тела «дылды» больше верхней раза в три – вот такие превосходные пропорции фигур. А вот руку мэтр нарисовал лишь линией одной, линию вторую в воспрятьи «дорисовываем» мы.

Что до рук, то мэтр рисует их, ну, просто «кое-как» – то это какие-то култышки, то непомерно длинные конечности, только выразительность фигур от этого растёт. Да и ноги, к слову, очень редко подражают анатомии людей. Чаще это голени-«бутылки» или простенькие треугольнички. Но фигурки с ними поразительно живы. Есть тут также две красотки – крайние в рядах четвертом и втором. Обе в мини-юбках – это в 1957 году! Нижняя – упитанная, с толстыми ногами, та, что выше, – с ножками и с корпусом Венеры. Но художник ухитряется в минуту здесь нарисовать и пары. Их тут пять: две молодые женщины (ряд 1-й), пара, может быть, супругов (ряд 2-й) и три пары

Передняя сторона обложки памятки
365-го заседания РОДК.

1928. Перо, тушь. Размер на самой
памятке: 12,4 x 8,9 см. Внизу: 1928

молодежные (ряд три и ряд четыре). Но, пожалуй, остановимся, дадим читателям возможность рассмотреть фигурки поподробней. Только бросим еще взгляд на легковой автомобиль. Ну, конечно, эта малая «машинка» ни пропорциями, ни размером не соответствовала «Москвичу» реальному, но зато она игрушечно-реальна, но зато она жива.

Надпись справа и вверху «июнь-июль 1957» свидетельствует, что художник рисовал листок не в один раз, а, скорей всего, в приема два, но с перерывом.

Фрагмент иллюстрации к роману Лонга «Дафнис и Хлоя». 1917. Перо, тушь.

«Человечков» Мастер применил при оформлении *Передней стороны обложки памятки 365-го заседания РОДК*, посвященного «некруглой» годовщине (8 лет) Русского общества друзей книги (РОДК, произносится родэка́). Среди букв названия как раз и разместились члены общества – библиофилы. Фанатичный книгоман захватил в охапку и, поддерживая снизу, тащит неподъемный штабель книг. Книголюб другой с не меньшими трудами переносит перевязанную стопку книг. Кто-то разбирает книги на полу, согнувшись, будто насекомое. Рядом с ним стоит другой с раскрытой книгой. Некоторые читают книжечки стоя, на ходу. Сибарит сидит на стульчике у основания буквы **Р** (эр) и вместе с тем под деревом. Дама-книголюб присела в основании буквы **О** прямо в ее нижней части.

«Человечков» Мастеру вполне хватило и для украшения памятки, и для объяснения деятельности клуба. Кстати, марка РОДК его работы помещена на задней стороне обложки.

Ну, да что там пешеходы, демонстранты, книголюб-бы – наш искусный мэтр доказал, что «человечки» могут разыграть и сцену вакханалии (!), что и делают на иллюстрации к роману «Дафнис и Хлоя» (1917-й).

«Человечков»-обнаженных дам мы видели на металлургической гравюре «Лодки на причале» 1932 года.

1. Тихонова Ксения. Вступ. ст. // Д.И. Митрохин. Рисунки: Каталог выставки / Государственная академия художественных наук. М., 1927. С. 12, 13.
